

Когнитивный сценарий вербализации концепта *threat* в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа)

Ксения О. Гаус^a; Марина Ю. Рябова^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ mriabova@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Поступила в редакцию 05.02.2018. Принята к печати 20.02.2019.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются основные единицы когнитивной лингвистики (фрейм, сценарий и концепт) с позиции теорий и концепций известных ученых и ведущих специалистов в данной области, а также роль концепта *threat* в современном политическом медиадискурсе как универсального средства речевого воздействия. Представляются результаты построения номинативного поля концепта *threat*, выявленные в ходе исследования лексических единиц, принадлежащих как к ядру, так и к периферии номинативного поля указанного концепта. Выводятся и подробно рассматриваются наиболее частотные сценарии угрозы (общий и частные: прямая угроза, косвенная угроза, открытая угроза, скрытая угроза); даются их характеристика; приводятся примеры, взятые из недавних высказываний Д. Трампа. На основании анализа вышеупомянутых высказываний выявляются наиболее характерные атрибуты концепта *threat*, а именно глаголы деструктивной семантики, ядерные лексемы поля концепта и др. Данная статья отражает особенности вербальной репрезентации концепта *threat* и цели использования речевого акта угрозы как универсального инструмента воздействия в современной политической коммуникации.

Ключевые слова: номинация, фрейм, когнитивный признак, пропозиция, категоризация, смысл

Для цитирования: Гаус К. О., Рябова М. Ю. Когнитивный сценарий вербализации концепта *threat* в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 164–170. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-164-170>

Введение

Когнитивная лингвистика представляет собой относительно новое и интенсивно развивающееся направление языкоzнания. В целом когнитивизм рассматривается как совокупность наук, охватывающая работы по исследованию общих принципов, которые управляют мыслительными процессами. Исходя из этого, язык воспринимается как средство, с помощью которого можно получить доступ к этим процессам. В языке зафиксировано мышление человека; язык представляется познавательным механизмом, семиотической системой, которая определенным образом кодирует и преобразует информацию.

Согласно определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика исследует язык как когнитивный механизм, участвующий в кодировании и трансформировании информации [1, с. 53–55].

Можно сделать вывод, что когнитивная лингвистика представляет собой направление в языкоzнании, изучающее проблемы соотнесения языка и сознания, значение языка для концептуализации и категоризации окружаю-

щей действительности, когнитивных процессов и синтезирования накопленного человечеством опыта, а также взаимосвязи и взаимодействие различных познавательных способностей человека и языка. [1, с. 56].

Возникновение и становление современной когнитивной лингвистики обязано работам таких американских и отечественных авторов, как Дж. Лакоф, Р. Лангакер, Р. Джакендофф, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев и ряда других.

Единицами когнитивной лингвистики, с помощью которых осуществляется когнитивный анализ, предпринятый в настоящей работе, являются такие понятия, как *схема*, *модель*, *фрейм*, *сценарий* и *концепт*. Остановимся подробнее на последних.

Когнитивный анализ концепта *threat*

Термин *фрейм* широко распространен не только в исследованиях искусственного интеллекта, но и в социологии, психологии и лингвистике. Под *фреймом* понимается «модель абстрактного образа, минимально возможное

описание сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации, процесса» [1, с. 187]. В лингвистике он фигурирует как общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель. Исследователи отмечают более прикладной характер фрейма, возможность его применения на разных уровнях языка и адаптируемость к задачам исследования.

В социологической концепции И. Гофмана и Г. Бейтсона [2] фрейм описан как иерархическая, каркасная структура, являющаяся «аналитическими лесами» для осознания человеком собственного опыта. Фреймам присущи некоторые организующие принципы, которым они подчиняются. Эти принципы обуславливают определенные события и субъективное участие человека в них.

Фрейм – это «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия»¹, в нашем случае таким понятием является акт угрозы, вызванной определенной ситуацией и реализуемой некоторым набором реакций. Фрейм фиксирует характерные или типичные характеристики категоризуемого понятия для определенной культуры, что обуславливает его прогностический и оценочный потенциал. В частности, это касается ситуаций социального взаимодействия и ежедневных бытовых эпизодов. Фреймы обеспечивают когнитивное восприятие мира, т. е. с помощью фрейма накапливается и обобщается информация об определенном концепте, репрезентируется гендерная специфика ситуативного поведения и реализуется прескриптивная функция.

Для данного исследования целесообразно использовать термин *фрейм* как систему данных, необходимых для представления стереотипной ситуации; как структуру, которую образуют некоторые значения, связанные определенными отношениями. Фрейм – это дискурсивные или ментальные модели, которые связаны с идеями сценария или схемы возможной ситуации [3, с. 31]. Подобные фреймы содержат основные варианты изменения фокуса внимания, информацию о главных действующих лицах, сюжетных формах, развитии действия и т. д. При таком понимании термина фрейм достаточно близким к нему оказывается термин *сценарий*.

По мнению В. З. Демьянкова, сценарий – это «разновидность структуры сознания (репрезентации), одно из основных понятий концепции М. Минского» [1, с. 181]. Сценарий формируется уже после трактования текста, вследствие установления ключевых лексем и положений текста и их расположения согласно *сценар-*

ным рисункам, которые воссоздаются по памяти на основе стандартных, стереотипных значений, закрепленных за терминальными компонентами структуры. «Индивидуальные утверждения, находимые в дискурсе, приводят к времененным представлениям (соответствующим понятию «глубинной структуры»), быстро перестраиваемым или усваиваемым по ходу работы над разрастающимся сценарием» [4].

Можно даже говорить о *сценарном фрейме*, который представляет типовую структуру некоторого события / ситуации, объединяющую характерные признаки этого события / ситуации, или структуру данных относительно некоторой темы [4]. Исходя из положений Р. Шенка и Р. Абельсона, можно сделать вывод, что сценарий – это ряд действий, расположенных в определенной последовательности и характеризующих обыденные ситуации [5]. Такая консеквентность действий базируется на принципе каузальной связи, т. е. следующее действие может произойти только в условиях, являющихся результатом каждого предыдущего действия.

В каждом сценарии присутствуют свои исполнители ролей, в нашем случае ими являются адресант и адресат угрозы. У сценария есть различные интерпретации, отражающие возможные направления развития события. Сценарный фрейм угрозы можно представить в виде модели импликации:

$$if S2 P \rightarrow S1 H S2,$$

где *S2* – адресат, *P* – пропозиция события, действия, нежелательного (неприемлемого) для *S1* – адресанта, в результате (при условии) осуществления данного события *S1* – адресант нанесет ущерб (*H*) адресату – *S2*.

Вслед за известными учеными концепт понимается в данной работе как ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [6]. З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в сознании человека следующие базисные принципы формирования концепта:

- непосредственно эмпирический опыт человека;
- предметная деятельность;
- мыслительные операции с уже существующими в сознании человека концептами;
- языковое общение;
- сознательное познание языковых единиц.

В структуре большей части концептов возможно выделить вербальную (языковое выражение) и невербальную части (ментальные репрезентации неверbalного типа –

¹ Концепция образовательной программы «Когнитивные исследования». Режим доступа: <http://kogni.narod.ru/concept.htm> (дата обращения: 31.01.2018).

образы, схемы и т. д.). Также структура концепта содержит ряд компонентов, или концептуальных признаков, среди которых выделяют основной (актуальный) признак; дополнительный (пассивный) признак; внутреннюю форму.

Основной признак концепта является значимым для всех носителей культуры и хорошо им известен, дополнительный признак актуален лишь для некоторой группы носителей культуры, внутреннюю форму выделяют как этимологический признак, определяющий внешнюю, т. е. знаковую форму выражения концепта. Последний компонент концепта обычно не осознается большинством носителей языка в повседневной жизни.

Компоненты концепта выделяют и по другим основаниям. Как в сложный ментальный комплекс в структуру концепта входят смысловое содержание, аксиологический признак, универсальный признак, национально-культурный признак, социальный признак, групповой признак, индивидуально-личностный признак.

В более широком смысле структуру концепта можно представить как ядро концепта (его основное понятие) и периферию концепта (все то, что несет дифференциальные признаки культуры, традиций, национального и личного опыта).

Неоднозначное решение находит проблема соотношения понятий *фрейм* и *концепт* и *фрейм* и *сценарий*. Отталкиваясь от родовидовых отношений, концепт относят к родовому понятию по отношению к фрейму, если же исходить из соотношения фрейма и концепта как сложного и простого понятий, фрейм определяют как род сложного концепта. Данные понятия рассматриваются как виды концептуальных структур, обладающих сходными и различными чертами [7]. Взаимосвязь фрейма и сценария как двух когнитивных категорий представляется достаточно тесной. Сценарий представляет собой «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [8, с. 18]. По мнению М. Минского, фрейм и сценарий – это два вида фреймов, единственное различие заключается в том, что фрейму присуща статичная природа, а сценарию – динамичная, отличающаяся протяженностью во времени и пространстве. Согласно С. А. Жаботинской, фрейм как концептуальная структура предполагает возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминалные узлы и слоты функционируют в действии [9].

Непрекращающееся распространение таких процессов, как глобализация и урбанизация, которые являются катализаторами возрастания значимости информационно-коммуникационных технологий и их влияния на все стороны жизни современного общества, вызывает повы-

шенный интерес лингвистов к политической коммуникации, а также появление и становление таких направлений исследований, как, например, медиалингвистика.

Сегодня в условиях обострения политической борьбы на международной арене и повышения духа соперничества, существующего в данной сфере, можно отметить все возрастающую степень агрессивности и враждебности в поведении политиков, в выступлениях которых все чаще звучат различного рода угрозы. Речевой акт угрозы является наиболее эффективным и функциональным средством для подобного воздействия, т. к. отрицательные реакции, появляющиеся у адресата в ответ на угрозу, максимально интенсивно влияют на чувства и действия и вследствие этого являются одним из самых продуктивных механизмов воздействия.

Стереотипизированные средства вербализации концепта в ходе коммуникативного акта обуславливают возможность достижения иллюктивной цели соответствующего акта. Так, лексема *threat* (как ключевой номинант данного концепта) и ее производные выступают как основной способ актуализации концепта угрозы в современном политическом медиадискурсе США.

Исследование показало, что ядро номинативного поля концепта *threat* составляют такие лексические единицы, как *threat, threatening, threaten, threateningly, threatening statement, under threat, statement, remark, commination, intimidation, menace, warning, ultimatum, promise, oath* и др.

К периферии номинативного поля концепта *threat* можно отнести такие лексические единицы, как *peril, hazard, risk, danger, harm, foreboding, presage, imminence, jeopardy, negative consequences, trouble, pain, painful, harmful, shout, regret, injury, destroy, destruction, kill, death, die, damage, shut, keep silent, direct, hint, allude, turn a blind eye to, aggression, raise someone's voice, not safe, weapon, darkness, dark future* и др.

Современные ценностные политические ориентиры в формировании языкового образа политического деятеля совмещают в себе прямолинейность, открытость и даже дерзость и резкость в речи, с одной стороны, и традиционную уклончивость, умение сгладить острые углы – с другой. Подобные контрастивные признаки современного политического медиадискурса обуславливают наличие широкого спектра номинаций, относящихся как к ядру, так и к периферии номинативного поля концепта *threat*.

Верbalизация концепта *threat* в современном политическом медиадискурсе происходит по нескольким сценариям.

Общий сценарий угрозы: *if S2 P → S1 H S2 – The addressant tells the addressee that he will do something negative to the addressee if the addressee does something wrong*, ср.:

If he does anything with respect to Guam or any place else that's an American territory or an American ally, he will truly regret it and he will regret it fast² (Если он предпримет что-либо в отношении Гуама или любого другого места, являющегося территорией или союзником Америки, он действительно пожалеет об этом и пожалеет он об этом быстро)³.

Директная схема кодирования актантов ($S=P=A$) характеризует одинаково маркированные или совсем не маркированные актанты, роли и отношения которых можно определить исходя из контекста предложения. Общий сценарий угрозы представляет собой условную конструкцию такого типа, как правило, содержащую какой-либо глагол деструктивной семантики в главной части синтаксически сложного высказывания как один из самых ярких атрибутов речевого акта угрозы. Также в этом сценарии часто встречаются слова, интенсифицирующие коннотацию серьезности последствий для адресата, в данном примере – наречие *truly* (в значении: *to the fullest degree; absolutely or completely – used for emphasis /* в полной мере; абсолютно, полностью) используется для эмфазы⁴. Нередко эмфатизация угрозы происходит с помощью лексических повторов и параллельных конструкций. Глагол *regret* (в значении: *feel sorry about something you have done and wish you had not done it /* испытывать сожаление о каком-либо совершенном поступке и желать не совершать его) с семантикой результативного сожаления относится к периферии номинативного поля концепта *threat* и часто используется адресантом угрозы для того, чтобы охарактеризовать неблагоприятные для адресата последствия в случае нежелательных действий или поведения.

Частные сценарии угрозы могут представлять собой такие разновидности коммуникативных актов, как прямая угроза, косвенная угроза, открытая угроза, скрытая угроза.

Прямая угроза: *S2 P – The addressant tells the addressee to do / not to do something in order to avoid negative consequences*. Например:

Do not underestimate us. Do not try us⁵ (Не стоит нас недооценивать. Не стоит нас испытывать).

Номинативно-аккузативная стратегия кодирования актантов ($A=S; P$) характеризует одинаково маркированные агенты и статичный актант, в то время как пациент обозначается иначе. Приведенный пример представляет собой восклицательное или утвердительное предложение, содержащее глагол в повелительном наклонении (в данном случае – глаголы оценочной семантики в отрицательной конструкции) и обладающее коннотативным значением угрозы. В данном случае адресант непосредственно обращается с угрозой к адресату. Для данного сценария характерными особенностями на синтаксическом уровне являются параллельность конструкций и парцеляция, а также частотное употребление отрицательной частицы *not*. В данном примере используется местоимение 2-го лица множественного числа *us*, что выводит угрозу с личностного уровня на уровень государства и даже глобализирует ее. Подобный выбор лексики призван показать, что за угрозой адресанта стоит не один человек, а объединенные силы всей страны и союзных государств.

Косвенная угроза: *as S2 P → S1 H S2 – The addressant tells the 3d person that he will do something negative to the addressee if the addressee does something wrong*. Например:

You can tell them we're going to knock the s... out of ISIS because they let you down and they left⁶ (Можете передать им, что мы выбьем все д... из ИГИЛа, потому что они подвели вас и бросили).

Номинативно-аккузативная стратегия кодирования актантов ($A=S; P$) описывает одинаковое обозначение активного и статичного актантов при особой маркировке пациента. Данное высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточными дополнительным и условным (или причины), при этом в главной части часто имеется глагол в повелительном наклонении, как правило, с семантикой коммуникационного сообщения или в сочетании с модальным глаголом. В данном случае адресант опосредованно передает угрозу адресату через третьих лиц, что снижает авторитетность адресата в глазах целевой аудитории и располагает ее к адресанту. Употребление глагола с деструктивной семантикой и нецензурной лексики, принадлежащих

² Pappas A. Trump: Kim Jong Un 'will regret it fast' if he attacks Guam, US allies // Fox News. 2017. August 11. Fox News. Режим доступа: <https://www.foxnews.com/politics/trump-kim-jong-un-will-regret-it-fast-if-he-attacks-guam-us-allies> (дата обращения: 31.01.2018).

³ Здесь и далее перевод авторов статьи.

⁴ Oxford Dictionaries. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 31.01.2018).

⁵ Longman Dictionary of Contemporary English Online. Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 31.01.2018).

⁶ Donald Trump mocks President Obama for his 'gentle bombing' of ISIS – to save the environment – while jetting to Hawaii to play golf // Mail Online News. Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3432771/Donald-Trump-mocks-President-Obama-gentle-bombing-ISIS-save-environment-jetting-Hawaii-play-golf.html> (дата обращения: 31.01.2018).

к периферии номинативного поля концепта *threat*, является характерной чертой не только данного сценария угрозы, подобное можно встретить во всех выделенных нами типах, что обусловлено агрессивным характером выражения угрозы.

Открытая угроза: $S2\ P \rightarrow S1\ H\ S2$ – *The addressant states that the addressee is in a vulnerable position*. Например:

*The weapons you are acquiring are not making you safer*⁷ (Оружие, которое вы закупаете, не делает ваше положение безопаснее).

Директная схема кодирования актантов ($S=P=A$) описывает одинаково маркированные или не маркированные актанты, чьи роли и отношения возможно выделить исходя из контекста предложения. Данный пример представляет собой утвердительное предложение, констатирующее опасность ситуации, в которой находится адресат высказывания. В рассматриваемом примере можно отметить смысловой контраст (большое количество оружия = большая угроза со стороны противников), подчеркивающий агрессивные намерения оппонента в отношении адресата угрозы. Отрицательная конструкция с глаголом семантики обеспечения отсутствия угрозы или риска опасности, призванная снизить степень угрозы, в данном случае наоборот интенсифицирует серьезность опасности.

Скрытая угроза: *if S2\ P \rightarrow (may cause) H\ S2* – *The addressant warns the addressee that something negative may happen to the addressee*. Например:

*"They are putting your regime in grave danger", – warned Mr Trump. "Every step you take down this dark path increases the peril you face"*⁸ (Они подвергают ваш режим серьезной опасности, – предостерег г-н Трамп. – Каждый ваш шаг по направлению этой темной дорожки увеличивает степень опасности, с которой вы столкнетесь).

Директная схема кодирования актантов ($S=P=A$) характеризует одинаково маркированные или совсем не маркированные актанты, роли и отношения которых можно определить исходя из контекста предложения, представляет собой предложение, содержащее ключевые лексемы, репрезентирующие схожие, но менее категоричные с точки зрения негативных последствий концепты и тем самым эвфемизирующее угрозу: *warn* (в значении: *inform someone in advance of a possible danger, problem, or other unpleasant situation /* заранее сообщить

кому-либо о возможной опасности, проблеме или другого рода неприятной ситуации)⁹. В данном примере также можно наблюдать лексические единицы и их сочетания, принадлежащие к периферии номинативного поля концепта *threat* – *grave danger /* серьезная опасность, *dark path /* темная дорожка, *peril /* опасность – и являющиеся характерными атрибутами сценариев угрозы в современном политическом медиадискурсе.

Заключение

Язык СМИ вызывает устойчивый интерес у современных лингвистов, т. к. является не только отражением актуального состояния языка, но и сильнейшим средством воздействия на аудиторию. Частое появление концепта угрозы в современном политическом медиадискурсе отражает взаимодействие политических деятелей как универсальный способ оказания влияния и привлечения внимания как адресата угрозы, так и читателя, ограниченный традицией медиатекста [11].

Таким образом, в структуре концепта можно выделить понятийную, лингвистическую и образную составляющие, рассматриваемые как план содержания, выражения и образа соответственно. На основании анализа контента современных политических изданий, находящихся в открытом доступе, можно классифицировать верbalное выражение угрозы по нескольким наиболее часто встречающимся сценариям, которые были выделены на основе презентации концепта *threat* в заявлениях Д. Трампа. Лексический и синтаксический анализ примеров, выражающих коммуникативные акты угрозы, позволяет сделать вывод, что во всех выделенных сценариях самыми частотными атрибутами концепта являются ядерные лексические единицы поля, глаголы деструктивной семантики, лексика сниженного регистра, отрицательные и параллельные конструкции, а также употребление личных местоимений во множественном числе. Когнитивные сценарии, актуализирующие концепт *threat* в исследованных дискурсах, вариативны и представляют собой следующие коммуникативные акты: открытая угроза / прямая угроза или косвенная / скрытая угроза, коррелирующие между собой по принципу повышения / ослабления степени перформативности соответствующего коммуникативного акта.

⁷ Donald Trump warns North Korea: 'Do not try us' // BBC News. 2017. November 8. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-asia-41910167> (дата обращения: 31.01.2018).

⁸ Там же.

⁹ Oxford Dictionaries...

Литература

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
3. Рябова М. Ю. Лингвистические категории идеологического анализа медиа-дискурса. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 96 с.
4. Minsky M. A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. Ed. D. Metzing. B.; NY: Gruyter, 1980. P. 1–25.
5. Schank R., Abelson R. Scripts Plans and Knowledge // Advance Papers of Fourth Intern. Joint Conf. on Artif. Intell. 1975. № 2. P. 151–157.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 477 с.
7. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкоznания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
8. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
9. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: материалы Междунар. конф. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 141–159.
10. Гаус К. О., Рябова М. Ю. Концепт «threat» в медиадискурсе // Актуальные вопросы филологии и переводоведения в свете современных исследований: сб. науч. ст. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева, 20 октября 2017 г. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. С. 74–78.

Cognitive Script of Verbalization of Concept "Threat" in Media Discourse (as Exemplified in D. Trump's Statements)

Ksenija O. Gaus^a; Marina Yu. Riabova^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ mriabova@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Received 05.02.2018. Accepted 20.02.2019.

Abstract: The paper presents such basic units of cognitive linguistics as frame, script, and concept from the perspective of theories and concepts introduced by leading scientists. It introduces some results of the construction of the nominative field of the concept "threat". The research featured the concept "threat" in the political mass media discourse as a universal means of speech influence. The lexical units under analysis belonged both to the core and periphery of the nominative field of the concept. The authors defined the most frequent scripts of the concept "threat", both general and particular, e. g. direct threat, indirect threat, explicit threat, and implicit threat. Their structural characteristics were based on the examples from D. Trump's statements. The most characteristic attributes of the concept "threat" proved to be verbs of destructive semantics, nuclear lexemes of the concept field, etc. This article reflects the features of the verbal representation of the concept "threat", as well as the purposes of the speech act of threat as a universal leverage in the modern political communication.

Keywords: nomination, frame, cognitive feature, proposition, categorization, sense

For citation: Gaus K. O., Riabova M. Yu. Cognitive Script of Verbalization of Concept "Threat" in Media Discourse (as Exemplified in D. Trump's Statements). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 164–170. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-164-170>

References

1. Kubriakova E. S., Demiankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 245. (In Russ.)
2. Gofman I. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*, eds. Batygin G. S., Kozlova L. A. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2003, 752. (In Russ.)
3. Riabova M. Iu. *Linguistic categories of ideological analysis of mass media discourse*. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2008, 96. (In Russ.)
4. Minsky M. A framework for representing knowledge. *Frame conceptions and text understanding*, ed. Metzing D. B.; NY: Gruyter, 1980, 1–25.
5. Schank R., Abelson R. Scripts Plans and Knowledge. *Advance Papers of Fourth Intern. Joint Conf. on Artif. Intell.*, 1975, (2): 151–157.
6. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: GNOZIS, 2004, 477. (In Russ.)
7. Boldyrev N. N. Conceptual basis of language. *Cognitive language studies. Iss. IV. Conceptualization of the world in language*. Moscow: In-t iazykoznanii RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009, 25–77. (In Russ.)
8. Baranov A. N. *Introduction to Applied Linguistics*. Moscow: Editorial URSS, 2001, 358. (In Russ.)
9. Zhabotinskaya S. A. Conceptual analysis: frame types. *At the junction of the paradigms of linguistic knowledge at the beginning of the XXI century: grammar, semantics, word formation*: Proc. Intern. Conf. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2003, 141–159. (In Russ.)
10. Gaus K. O., Riabova M. Yu. The concept "threat" in media discourse. *Current issues of philology and translation studies in the light of modern research*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., eds. Kormilina N. V., Shugaeva N. Iu., October 20, 2017. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ia. Iakovleva, 2017, 74–78. (In Russ.)